

Перспективные корпоративные модели и критерии развития в период постпандемии

Карцхия А. А.*

Ключевые слова: цифровые технологии, цифровые корпорации, бизнес модели, промышленная собственность, искусственный интеллект, онлайн-платформа, корпорации, корпоративное право.

Аннотация.

Целью проведенного в статье исследования является установление тенденций развития и появления новых форм моделей корпоративного управления, а также критериев оценки эффективности деятельности компаний в условиях кардинальных изменений, вызванных цифровой революцией и ускорившихся в результате кризиса, вызванного мировой пандемией COVID-19. Глобальная цифровая трансформация создает предпосылки для образования новых организационных форм ведения бизнеса, а процесс цифровой трансформации изменяет традиционные институты права. При реализации цели исследования автор пользовался методами системного анализа, статистической оценки и сравнительно-правовой корреляции бизнес-моделей современных управленческих процессов. Автор приходит к выводу о формировании в процессе современного развития корпоративного права устойчивого процесса перехода к универсальным стандартам ESG (экологические и социальные факторы, качество корпоративного управления), который требует соответствующего правового регулирования современных корпоративных отношений, включая детальное оформление правового статуса цифровых технологических онлайн-платформ (*digital platforms*).

DOI: 10.21681/2226-0692-2020-3-73-80

Реализация новых тенденций предпринимательства в условиях современного кризиса

Цифровизация и возможности Интернет коренным образом меняют способы взаимодействия общества, бизнеса и государства, что приводит, по оценкам ОЭСР и ВТО¹, к новому этапу глобализации, выраженному, в частности, в процессе трансграничного перемещения данных и информации, что, в свою очередь, трансформирует международную торговлю товарами и услугами. Цифровизация обеспечивает невозможный в аналоговом мире масштаб торговли и обмен услугами, значительно расширяет доступ к новым рынкам, новым продуктам, таким, как облачные сервисы, оказывая при этом значительное трансформирующее и преобразующее воздействие на многие отрасли.

Современные цифровые технологии, такие как Интернет вещей (*Internet of Things*), искусственный интеллект и машинное обучение (*artificial intelligence*), технология распределенного реестра (*blockchain*), «облачные» компьютерные вычисления (*cloud computing*), «умные» комплексы и устройства (*smart everything*), аналитика

больших данных (*big data*), виртуальная и дополненная реальность (*augmented & additive reality*), биотехнологии по созданию новых живых организмов путем генной инженерии (*genomica*), системы кибербезопасности (*cybersecurity*), социальные сети и платформы (*Facebook, VK, Twitter*), а также другие интернет-услуги и электронные сервисы, создали новые условия для функционирования классических правовых институтов, их адаптации к новым реалиям формируемой новой технологической среды. Необходимо признать, что цифровые технологии в национальном и международном масштабе формируют цифровую экономику, выделяют новые векторы развития традиционных институтов права.

В то же время вызванный пандемией COVID-19 шок, как показали исследования Всемирного экономического форума², создал переломный момент для давно назревшего решения о новых бизнес-моделях в современном производстве. Компании приспосабливаются к кризису с помощью тактических мер (сокращение рас-

¹ OECD-WTO Handbook on Measuring Digital Trade, SDD/CSSP/WPTGS (2019) 4, 27-29 March 2019. URL: <http://www.oecd.org>.

² Winning the Race for Survival: How New Manufacturing Technologies are Driving Business-Model Innovation. WEF, Report, May 2020. URL: <http://www.weforum.org/reports>.

* Карцхия Александр Амиранович, доктор юридических наук, доцент, член Научно-технического совета (НТС) НИЦПИ при Минюсте РФ, профессор РГУ нефти и газа (НИУ) им. И.М. Губкина, г. Москва, Российская Федерация.
E-mail: arhz50@mail.ru

ходов, переориентация отдельных частей производства и диверсификация поставщиков), а также посредством принятия быстрых и кардинальных изменений и стратегических мер без дополнительных инвестиций, таких как инновации в бизнес-модели и технологические модели, перенастройка существующих технологий для удаленного управления инфраструктурой компании, обеспечение сквозной цифровой кооперации и т. д.

Вызванный пандемией COVID-19 мировой кризис только ускорил наблюдавшийся в мировой экономике мегатренд, который показывает, что крупные технологические компании (Alibaba, Amazon, Google и др.) выросли намного быстрее, чем компании финансового и энергетического сектора, когда-то доминировавшие на мировых рынках акций. Такой быстрый рост был обусловлен совершенствованием информационных и коммуникационных технологий и резким увеличением способности собирать, обрабатывать и передавать информацию. Однако способность собирать и обрабатывать информацию является лишь необходимым, но не достаточным условием для возникновения новых компаний и отраслей.

Тем не менее, несмотря на вызванный COVID-19 кризис, появились новые тренды в предпринимательстве, новые бизнес-модели, новые корпоративные модели управления. Так, стремительно развиваются интернет-магазины и сервисы быстрой доставки, использующие высоко цифровизированные цепочки поставок (Amazon, Alibaba), активно набирают силу технологические платформы и маркетплейсы с аппаратно-программными технологическими комплексами (Zoom и Microsoft). Развиваются также и современные модели на базе распределенного производства, где новые технологии быстро совершенствуются для удовлетворения неожиданно растущего спроса. По иронии судьбы, многие из новых цифровых технологий, которые напрямую взаимодействуют с конечными пользователями и потребителями (краудсорсинг, 3D-печать и др.), получили ускоренное внедрение именно в период социального дистанцирования в период пандемии³.

В связи с этим, изменившийся характер деловых отношений позволяет выделить несколько трендов в сфере экономики предпринимательства, которые выявила мировая практика в настоящий кризисный период:

- (а) цифровизация цепочек создания стоимости (поставок) способствует повышению оперативности и устраняет сложности производственного взаимодействия;
- (б) сбор и обработка потоков данных о производственном цикле в режиме реального времени позволяет поставщикам товаров и услуг оперативно реагировать на изменения в поведении поставщиков, производителей и потребителей, что предоставляет существенные преимущества в конкуренции с жестко централизованными бизнес-моделями;
- (в) операционная устойчивость компании и бизнес-процессов достигается за счет удаленного управления инфраструктурой, что особенно актуально для

³ Successes in operating and business models during the COVID-19 crisis, WEF Report, May 2020. URL: <http://www.weforum.org/reports/>.

поставщиков услуг, цель которых — удовлетворение требований клиентов;

(г) использование цифровых (онлайн-) платформ (цифровые платформы-ритейлеры) в качестве основной части бизнес-модели позволяет перейти от проектирования к быстрому прототипированию и коммерциализации продуктов, что значительно быстрее формирует и удовлетворяет спрос. Цифровые платформы стали использоваться не только в розничной торговле, но и в совершенно новых областях: например, в снабжении больниц, госпиталей, иных медучреждений медикаментами, медицинским оборудованием, другими критически важными материалами и специальным оборудованием.

Характерно, что современный кризис стал катализатором в развитии общей модели современного производства и производственных отношений. В качестве такой перспективной модели, формирующейся в результате вызванного COVID-19 кризиса, предложена модель развития на принципах «сознательного капитализма» (*stakeholder capitalism*)⁴, при которой все компании и иные участники экономических отношений (*stakeholder*) должны уделять повышенное внимание качеству взаимодействия с клиентами, акционерами и работниками компании для скорейшего восстановления своих позиций по завершении сложного периода. Изменение модели поведения обусловлено также необходимостью активного противодействия негативным факторам, в частности: противодействие дальнейшему распространению COVID-19 и купирование всплесков заболеваемости по всему миру, снижение уровня смертности и борьба с социальными беспорядками и экономическим спадом, из соображений внутренней безопасности расширение государствами политики изоляционизма, закрытие государствами своих границ в целях безопасности и усиления контроля за передвижениями иностранцев и сокращения внешних цепочек поставок, повсеместная практика государств наблюдения за людьми и их передвижением с использованием специальных технических средств.

Вместе с тем, как заявлялось на Всемирном экономическом форуме 2020⁵, наряду с двумя основными моделями экономического развития (первая — «акционерный капитализм», вторая — «государственный капитализм») формируется третья модель развития — «капитализм заинтересованных сторон», которая предполагает обязанность корпораций платить справедливую долю налогов, проявлять абсолютную нетерпимость к коррупции, защищать права человека и выступать за конкурентный уровень в современной «платформенной экономике». Для поддержания принципов заинтересованных сторон предложен новый критерий оценки их деятельности «создание общей стоимости», который должен включать в себя экологические, социальные и управленческие цели — *environmental, social, governance (ESG)*.

⁴ Мир после COVID-19. Сценарии развития событий для эффективного управления организацией в новых условиях. Deloitte. URL: <http://www2.deloitte.com/ru/ru/pages/about-deloitte/articles/covid-19-scenarios-and-impacts-for-business-and-society-world-remade.html>.

⁵ The Davos Manifesto. World Economic Forum 2020. URL: <http://www.weforum.org/the-davos-manifesto>.

С нашей точки зрения, цифровизация экономики способна изменить и саму экономическую модель развития. С развитием процесса цифровизации, как указано в российской национальной Стратегии развития экспорта услуг⁶, традиционные бизнес-модели во многих сегментах рынка будут меняться, в том числе услуги и поездки специалистов заменятся торговлей интегрированными цифровыми продуктами и решениями, применением технологий виртуальной и дополненной реальности, телеприсутствия, дистанционного управления робототехникой. Распространение глобальных онлайн-платформ и облачных технологий способствует интеграции деловых услуг и информационных услуг и их все большему уходу в цифровую сферу.

Примерно четверть всех глобальных активов в настоящее время инвестируется с учетом социальных и экологических факторов [1]. Так, только в США на начало 2018 года социально ответственные инвестиции оценивались в 12 триллионов долларов. Это примерно 26% от общего объема активов, находящихся под профессиональным управлением. Сегодня многие инвесторы стремятся классифицировать стратегии компаний как «зеленые», «альтернативные» или «социально ответственные», посылая рынку сигналы об их востребованности [2], тем самым они фактически формируют новые рынки инвестиционного капитала [3].

Актуальные принципы и оценки корпоративных моделей

В настоящее время приобретают заметное влияние практики устойчивого развития, изложенные в Повестке дня в области устойчивого развития на период до 2030 года, принятой мировыми лидерами в сентябре 2015 года на Парижском саммите ООН и включавшей Принципы ответственного инвестирования. Исследования показали, что все больше инвесторов ожидают от финансовых институтов развития «ответственных» практик, то есть диверсификации портфелей ценных бумаг путем приобретения финансовых инструментов компаний, демонстрирующих приверженность принципам устойчивого развития. Дальнейшее развитие связано с формированием рынка особых ценных бумаг («зеленых облигаций») и его инфраструктуры, включая базы данных, утверждение стандартов устойчивого развития, а также создание адекватной структуры управления и законодательства в этой области регулирования. При этом институциональные инвесторы и управляющие активами всё чаще делают свой выбор в пользу тех компаний, чья деятельность вносит вклад в развитие общества, иными словами, в пользу «инвестиций влияния» (impact investing)⁷.

⁶ Стратегия развития экспорта услуг до 2025 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 14.08.2019 № 1797-р // Собрание законодательства РФ, 19.08.2019, № 33, ст. 4850.

⁷ Концепция организации в России методологической системы по развитию зелёных финансовых инструментов и проектов ответственного финансирования. Экспертный совет по рынку долгосрочных инвестиций при Банке России. М. 2019. URL: <http://www.cbr.ru/Content/Document/File/84163/press04102019.pdf>

В связи с этим особую актуальность приобретают три основных фактора при измерении устойчивости воздействия на инвестиции в компании или бизнес — **экологический, социальный и управленческий**, которые помогают лучше определить будущие финансовые показатели компаний, включая доходность и риск. На современных финансовых рынках под ответственным инвестированием понимается такая практика инвестирования, которая учитывает экологические и социальные факторы, а также качество корпоративного управления.

В последние годы активно выделяется климатическая повестка, которая является одной из составляющих концепции устойчивого развития — ESG (environmental, social, governance — влияние компаний на окружающую среду, их социальная ответственность и качество корпоративного управления). Эта концепция, указывают эксперты⁸, имеет несколько плоскостей, включая политическую и юридическую, а в последние годы все более активно формируется финансовая. Уже сформирован ряд международных правил, которые активно внедряются на международных рынках капитала, независимо от наличия или отсутствия национального регулирования, которые пока носят рекомендательный характер. Тем не менее, правила уже создают преимущества, а в ряде случаев — ограничения для привлечения инвестиций на международных рынках капитала.

Вместе с тем, как отмечалось на Всемирном экономическом форуме 2020⁹, создание стоимости в цепочках поставок начинает изменяться и смещается в сети многолетних традиционных связей. В частности, отмечены три современные мегатенденции: напряженность в торговых отношениях, изменение климата и новые технологии, которые разрушают традиционные системы и создают новые сети распределения глобальной стоимости. В то время как некоторые регионы и страны ранее доминировали в течение многих десятилетий в производстве определенных видов продукции, глобальные мегатенденции способны сделать эти регионы устаревшими или неконкурентоспособными в ближайшем будущем. По мере того как происходят эти изменения, компаниям становится все труднее отслеживать изменения в своих цепочках поставок в текущих условиях эксплуатации. Цифровые технологии вносят свою лепту. Так, первоначально выведенная на рынок в качестве базовой технологической архитектуры для криптовалюты (биткойн) технология блокчейн позволяет создать распределенную и неизменяемую систему (децентрализованный реестр), которая в настоящее время находит применение в таких разнообразных мировых секторах экономики, как отслеживание и верификация алмазов, управление данными о здоровье пациентов, отслеживание передвижения одежды и других текстильных изделий, управление собственностью или защита бренда (товарных знаков). Создавая уникальные идентификаторы и применяя динамические криптографические решения, компании на-

⁸ Energy Policy Lighthouses. The Little Green Book. WEF 2020. URL: <http://www3.weforum.org>.

⁹ An Open Platform for Traceability: Accelerating Transparency and Sustainability across Manufacturing Ecosystems. Report. WEF, Davos, 2020, pp. 2-3. URL: <http://www3.weforum.org>.

чинают применять технологические блокчейн-решения, которые отслеживают выводимые на рынок продукты от сырья до конечной продукции.

Направленность современной экономики на устойчивый рост и конкурентоспособность, в соответствии с результатами ряда исследований¹⁰, сталкивается с экологическими потерями, которые могут перевешивать издержки, связанные с переходом к низкоуглеродной экономике, а воздействие на окружающую среду химических веществ и загрязнение воздуха увеличивают частоту неинфекционных заболеваний и уровень смертности среди людей. Переход к низкоуглеродной экономике («энергетический переход») по-прежнему связан с расширением использования возобновляемых источников энергии. Однако невозобновляемые ресурсы по-прежнему составляют более 80% мирового потребления энергии, притом что более технологические страны и компании имеют наиболее благоприятные возможности для перехода к низкоуглеродной экономике. Обладая большим инновационным потенциалом и прорывными «зелеными технологиями», а также более профессионально подготовленным человеческим капиталом, более развитой инфраструктурой и большим инновационным потенциалом, они способны создать оптимально экологичный энергетический комплекс и современное производство.

Сегодня применяется понятие «социальная ответственность заинтересованных лиц», подразумевающее обязанность бизнеса вести честную конкуренцию и раскрывать часть информации для заинтересованных лиц (клиентов, государства и т. д.). Социальная ответственность становится неотъемлемой частью функционирования бизнеса и начинает восприниматься как его вовлеченность в социальную жизнь общества, ответственность за развитие определенной территории или региона, а также минимизация негативного воздействия на окружающую среду.

Ряд исследователей трактует возросшую важность решения вопросов социальной и экологической ответственности в экономике как результат изменения предпочтений потребителей и инвесторов, что вынуждает компании адаптировать свои действия таким образом, чтобы они соответствовали новому, морализированному образу мышления об экономической деятельности [4].

Второе объяснение состоит в том, что этот сдвиг является результатом расширения возможностей для обмена информацией, особенно в Интернете. Сторонники этой точки зрения предполагают, что потребители, возможно, долгое время выступали за ответственность бизнеса, но только появление Интернета позволило им обмениваться информацией о деловой практике [5].

В то же время изучение такого формирующегося явления в экономике, как «социальные финансы» и «социальные инвестиции», подтверждает вывод об особой способности современных трендов потенциально создавать как социальную, так и финансовую отдачу, поскольку экологические и социальные проблемы все более критичны для конкурентоспособности и финансовых показателей как отдельных компаний, так и эко-

номики в целом [6]. Это подтверждается растущими эмпирическими данными, которые связывают проблемы корпоративной ответственности и финансовые показатели [7].

В российской литературе обычно пишут о социально ответственном инвестировании, которое является гарантией устойчивого экономического и социального развития, улучшения качества жизни в целом [8]. Социально ответственное инвестирование представляет собой инвестиционный процесс, в котором через добровольный и сознательный выбор критериев и методов инвестирования проявляется ответственность инвестора за последствия его инвестиций для общества, окружающей среды и их устойчивого развития, а также его личные взгляды и убеждения относительно социально значимых вопросов и социокультурных ценностей [9] либо вложение материальных средств компании в социально значимые общественные объекты [10].

Вместе с тем введение новой модели интегрированной отчетности ESG компаний, как отмечают ряд авторов [11,12], преследует цель получения более полной картины деятельности представляющей инвестиционный интерес компании, в которой бы отражались риски и возможности в связи с факторами ESG (экологические, социальные и государственные — environmental, social and governance), а также финансовые результаты компании, что связано с глобализацией и интеграционными процессами в мировой экономике, ростом дефицита ресурсов и населения, уровня загрязнения окружающей среды.

Институциональные инвесторы и иные современные финансовые институты считают, что развитие ESG-факторов как универсальных индикаторов в инвестиционном анализе неизбежно. Доказательств в пользу связи между применением стандартов ESG и финансовыми показателями становится все больше, а сочетание фидуциарных обязанностей и широкого признания необходимости обеспечения устойчивости инвестиций в долгосрочной перспективе означает, что проблемы окружающей среды, социальная сфера и корпоративные управление играют всё более важную роль на инвестиционном рынке. Стандарты ESG становятся фактором практичности в противовес тому, что ранее рассматривались лишь как вопрос филантропии.

Все больше российских компаний стремятся соответствовать стандартам ESG. В частности, компания АЛРОСА вошла в топ-10 ежегодного ESG-рэнкинга независимого рейтингового агентства RAEX-Europe, который оценивает деятельность компаний в сфере охраны природы, социальной ответственности и корпоративного управления. В общей сложности в него вошли 30 крупнейших компаний российского бизнеса из разных секторов, включая также Московский кредитный банк. Соблюдение принципов ESG подразумевает внедрение в стратегию и бизнес компании лучших практик в таких сферах, как экология, социальная политика и корпоративное управление. В основе ESG-рэнкинга лежит принцип оценки оптимального набора специальных индикаторов, которые отражают уровень воздействия компании на экологическую и социальную среду, а так-

¹⁰ The Global Competitiveness Report 2019, WEF, pp. 9-10. URL: www.weforum.org.

же степень подверженности компании социальным и управленческим рискам¹¹.

Необходимо учесть и тот факт, что Россия подписала и ратифицировала Парижское соглашение по климату, как и все страны G20, исключая США и Турцию. Вызов заключается в том, что сегодня на основе климатической повестки создаются правила и отрабатываются механизмы доступа к мировым финансам, критерии оценки деловой репутации, доверия друг к другу и привлекательности рынка в целом. Глобальная финансовая инфраструктура начинает собираться заново, но уже на принципах ESG. При этом рынок зеленых облигаций вырос с 51 млрд долларов США в 2014 году до 690 млрд долларов США в 2019 г., а объем финансовых активов, соответствующих принципам ESG, — с 8 трлн до 18 трлн долларов США. Только в 2019 г. в мире разместили зеленые облигации на сумму 215 млрд долларов США, причем ряд стран, включая Францию, Ирландию, Польшу и Индонезию, выпустили государственные ценные бумаги под цели устойчивого развития. И несмотря на то, что США вышли из Парижского соглашения, доля американских компаний составляет 22% от общего объема зеленых облигаций в мире, а в долларах США номинировано 37% выпусков (лидирует евро — 41%, всего же такие облигации выпущены уже в 34 валютах)¹².

Прогнозируется [13], что после пандемии COVID-19 власти США столкнутся со стремительно нарастающей волной сторонников зеленой энергетики среди крупнейших финансовых и корпоративных игроков как внутри США, так и за рубежом. В мае этого года в Конгресс США обратились руководители 330 американских компаний (от Microsoft до General Mills с совокупной рыночной капитализацией 11,5 трлн долларов США) с требованием сделать упор на использование возобновляемых и чистых источников энергии в планах постпандемического экономического восстановления США. Эти идеи активно распространились и среди крупных инвесторов, состоящих на таких зеленых площадках, как Climate Action 100+, Ceres, CDP, Investor Group on Climate Change (управляющих активами на сумму свыше 40 трлн долларов США). Поддержка зеленой энергетики в Европе и США усиливается, и после пандемии переход к чистым источникам энергии может ускориться и произойти не в 2050 г., как считалось раньше, а уже в 2035 г.

Модели цифровых платформ

Ключевой особенностью современной технологической «цифровой революции» является, по мнению автора, переход от виртуального пространства технологических операций и информационных потоков в сети Интернет к реальному воздействию цифровых технологий на экономику, право, социально-культурную сферу и политику. Цифровое пространство становится не только информационным полем обмена и получения

информации, заключенной в сети Интернет, но и превращается в инструмент регулирования экономики, права, политики. Исходя из этого, говорят о цифровой экономике, цифровом праве и, возможно, в самом ближайшем времени появиться цифровая политика [14].

В последние годы перспективы технологического развития связывались с тремя направлениями цифровых технологий: технология блокчейн (blockchain technology), когнитивная и смешанная реальность (AR, VR, MR), интернет вещей (IoT). Когнитивные технологии (машинное обучение (ML), автоматизация роботизированных процессов, обработка естественного языка, нейронные сети и искусственный интеллект) наряду с аналитикой больших данных и облачными сервисами составляют в настоящее время основу стратегии развития для бизнеса и управленческих процессов [15].

Успехи искусственного интеллекта, как отмечалось в докладе Всемирного экономического форума¹³, усилились за последние два десятилетия, благодаря достижениям в алгоритмах машинного обучения, экспоненциальному росту доступности больших данных, улучшенным и более дешевым вычислительным мощностям. В настоящее время формируется новая разновидность искусственного интеллекта (AI) — бизнес-интеллект (BI), который создается с использованием специальных IP-протоколов, программ программно-аппаратных комплексов, нейронных сетей в целях предоставления потребителю персональных услуг (персонализированных сервисов) на основе использования искусственного интеллекта. Технология распределенного реестра (блокчейн-технология), ранее ассоциировавшаяся только с криптовалютами, теперь внедряется крупными предприятиями и консорциумами в сфере корпоративных блокчейн-решений как инструмент корпоративного управления высокопроизводительных производств и бизнес-процессов. Наряду с расширением сфер использования промышленной робототехники и повышения её технологического уровня происходит качественный переход к самоуправляющимся киберфизическим интеллектуальным системам категории «smart» («умный город», «умный дом», «умные» контракты, «интеллектуальные» заводы или месторождения, беспилотные автомобили и др.).

Появление в структуре бизнеса цифровых технологических платформ, представляющих собой комплекс технологических решений в цифровом пространстве на базе сочетания программных алгоритмов, компьютерного технологического оборудования, сервисных услуг («облачные» технологии, базы данных и др.), технологии блокчейн и аналитики больших данных, создает новую конфигурацию бизнес-процессов и корпоративных отношений.

Цифровая трансформация не сводится только к автоматизации и роботизации процессов и производств, а предполагает формирование полноценной цифровой экономики и цифрового управления организаций и предприятий. Цифровые технологические плат-

¹¹ URL: <http://www.alrosa.ru> .

¹² Macro technology forces at work. January 16, 2019, Deloitte. URL: <http://www2.deloitte.com> .

¹³ Artificial Intelligence Collides with Patent Law. Center for the Fourth Industrial Revolution, World Economic Forum, 2018, p. 6. URL: <http://www3.weforum.org> .

формы могут стать ключевым звеном цифровой трансформации экономики и социальных отношений, что обуславливает необходимость анализа правового регулирования правоотношений, складывающихся в процессе использования таких технологических платформ.

Речь идет о формировании в процессе цифровых преобразований новых субъектов корпоративного права — «цифровых корпораций». Цифровые платформы находят широкое применение в онлайн-ритейле (e-commerce), в качестве агрегаторов данных (Mail.ru Group, Alibaba Group, МегаФон). Вместе с тем формируются «цифровые корпорации», которые оказывают различные ИТ-сервисы, предоставляя, например, услуги гостиниц, не являясь владельцами этих гостиниц (Booking Holding Inc.), либо продают услуги такси (Uber), не обладая зданиями, транспортом и оборудованием таксомоторного парка.

Годовой оборот современных «цифровых корпораций» достигает значительных сумм, что заставляет антимонопольное ведомство России очень пристально следить за их влиянием на рыночную конкуренцию, оценивать конкурентный эффект. Не обладая капитальными активами, «цифровые корпорации» действуют в цифровом пространстве, обеспечивая новую цифровую экономику и оказывая существенное влияние на коммерческий оборот.

Как отмечалось в исследовании ОЭСР¹⁴, платформы не являются в чистом виде новой бизнес-моделью, а представляют собой, скорее, устоявшуюся модель, которая была омоложена самым масштабам цифровой экономики. Многие цифровые рынки (маркет-мейкеры) вместо взимания платы за вход или использование услуг платформы стали применять доступные цифровые технологии для монетизации, передаваемой пользователями. Цифровые платформы коммерческого характера часто рассматривают как разновидность многосторонних рынков (многосторонних платформ — *multi-sided platforms*), к категории которых относятся, в частности:

- ▶ системы платежных карт, которые соединяют держателей карт, продавцов, банки-эмитенты карт и банки-эквайеры;
 - ▶ фондовые биржи, которые соединяют покупателей и продавцов;
 - ▶ торговые центры, которые соединяют розничных торговцев с покупателями;
- а также —
- ▶ цифровые платформы, которые соединяют пользователей, поставщиков контента и рекламодателей;
 - ▶ телекоммуникационные сети, соединяющие пользователей сетей связи и т. д.

Существуют различные определения многосторонних рынков, на которых конкурируют многосторонние платформы, однако большинство из них имеют одни и те же основные элементы, подразумевая, что рынок, на котором фирма действует как платформа, продает различные продукты различным группам потребителей в зависимости от спроса со стороны других групп потре-

бителей. Существование кросс-платформенной сетевой экстернатности служит другой чертой таких платформ. При этом классификация платформ может пройти по разным критериям.

С технологической точки зрения цифровая (онлайн) платформа — это сложная система технологий, компьютерных программ и компьютерного оборудования и устройств, обеспечивающая набор сервисных возможностей, на основе которых может быть разработано и развернуто множество различных продуктов. Операционные системы (Microsoft Windows, iOS, Android) являются наглядными примерами технологических платформ, которые поддерживают широкий спектр цифровых приложений и услуг (сервисов), часто предоставляемых сторонними поставщиками. Следует сказать, что онлайн-платформы как таковые существовали с первых дней существования Всемирной паутины (WWW), причем ранние примеры, такие как America Online (AOL), Netscape или Myspace, характеризовались в качестве цифровых сервисов, двусторонних платформ, которые обеспечивали взаимодействие между различными группами пользователей Интернет. Владелец успешной платформы может получить мощные преимущества в соответствующей промышленной экосистеме. Факторы, влияющие на способность создавать и контролировать успешную платформу, включают в себя динамику завоевания и удержания доли рынка, сетевые внешние эффекты и контроль над интеллектуальной собственностью [16].

Экономика онлайн-платформ, по оценке некоторых авторов [17], относится к сферам экономики совместного потребления, в частности: финансовые платформы, предлагающие установление отношений займа и отношений по инвестированию, использование недвижимости, транспортных средств или недвижимости, куплю-продажу, выполнение работ и оказание услуг. Эксперты отмечают увеличение в России объема транзакций на основных онлайн-платформах в 2018 г. до 511 млрд руб. — на 30% больше по сравнению с 2017 г.

Вновь создаваемые бизнес-модели предпринимательской деятельности часто используют технологические возможности онлайн-платформ. Например, модель каршеринга (*Peer-to-Peer (P2P) carsharing*) — модель проката несобственником арендованных транспортных средств [18].

По своей функциональной направленности цифровые технологические платформы предложено классифицировать по следующим группам:

- ▶ (а) платежно-расчетные, осуществляющие финансовые операции и денежные расчеты (PayPal, Uber, eBay);
- ▶ (б) инновационные, осуществляющие развитие техники и технологии (SAP, Oracle, Microsoft);
- ▶ (в) инвестиционные, осуществляющие инвестиционные проекты (SoftBank);
- ▶ (г) интеграционные, осуществляющие предоставление ИТ услуг в цифровом формате (Google, AppStore, Yandex [19].

¹⁴ Rethinking Antitrust Tools for Multi-Sided Platforms. OECD 2018, pp.10-13. URL: www.oecd.org/competition/rethinking-antitrust-tools-for-multi-sided-platforms.htm.

В документах Еврокомиссии¹⁵ указывается на большое разнообразие онлайн-платформ (цифровых платформ), которые охватывают широкий спектр деятельности, включая онлайн-рекламные платформы, торговые платформы, поисковые системы, социальные сети и креативные каналы контента, платформы распространения приложений, коммуникационные услуги, платежные системы и платформы для совместной предпринимательской деятельности. Выделяя разновидности цифровых платформ, в документах определяются их общие черты, в частности:

- (1) способность создавать и формировать новые рынки, конкурировать с традиционными и организовывать новые формы участия или ведения бизнеса на основе сбора, обработки и редактирования больших объемов данных;
- (2) обеспечение непосредственного взаимодействия между группами пользователей (потребителей);
- (3) получение выгоды от «сетевых эффектов», где ценность сервиса (услуг) увеличивается с увеличением числа пользователей;
- (4) использование преимущественно информационно-коммуникационных технологий для прямой коммуникации с пользователями (потребителями);
- (5) ключевая роль в создании цифровой стоимости, в частности, путем получения значительной стоимости (в т. ч. за счет накопления большого массива данных), а также содействие вновь создаваемым предприятиям и формированию новых стратегических связей.

Как и другие капиталоемкие отрасли (например, авиация и автомобилестроение), нефтегазовый сектор, по оценкам Всемирного экономического форума в 2017 году¹⁶, находится на пороге новой технологической эры, связанной с революционными трансформациями операционной модели бизнеса, масштабного использования цифровых технологий, которые вызваны макроэкономическими, производственными и технологическими тенденциями.

Для решения этих задач, в частности, создана Концепция национального проекта «Интеллектуальная энергетическая система России», имеющая целью повышения надежности функционирования национальных энергетических систем, которая будет способствовать развитию технологий активно-адаптивных электрических сетей, технологических концепций Smart Grid и Энерджинет (EnergyNet), внедрению систем автоматизированной защиты и управления электрическими подстанциями («цифровой подстанции»), нового электро-технического, электромеханического и электронного оборудования, применению новых конструкционных материалов, в том числе композитных, разработке материалов и технологий для проводов, а также применению

высокотемпературных сверхпроводниковых материалов. Реализация проекта «Интеллектуальная энергетическая система России» преследует цель создания необходимых условий для перехода к интеллектуальной энергетике за счет формирования соответствующей законодательной и нормативно-технической базы, включая совершенствование розничного и оптового рынков электроэнергии, а также благодаря созданию необходимой инфраструктуры и развитию научно-технического потенциала страны.

В настоящее время необходим переход от концептуальных подходов по разработке и эксплуатации цифровых и интеллектуальных месторождений и скважин в России [20] через политику цифровизации нефтегазового производства [21] к концепции интеллектуальной энергетики в масштабах страны.

В этом смысле не должно оставаться в стороне и цифровые гиганты, цифровые корпорации. Цифровой бизнес, по оценкам GARTNER, выражается в создании новых бизнес-проектов путем стирания границ между цифровым и физическим мирами в силу конвергенции деятельности людей, бизнеса и вещественных объектов. Однако практика свидетельствует об обратной тенденции. Так, в рамках специального исследования ЕС¹⁷ было установлено, что такие компании, как Google и другие доминирующие онлайн-платформы, стараются платить как можно меньше налогов в Европе, используя Люксембург или Ирландию в качестве налогового домициля для уплаты налогов, которые не отражают доходы, полученные в других европейских странах. Для восстановления справедливости в конце 2019 года ОЭСР предложила ввести корпоративный налог на доходы транснациональных корпораций¹⁸, позволив странам облагать налогом операции в своей юрисдикции, даже если компании не имеют там физического присутствия. Налогообложение будет касаться не только таких технологических гигантов, как Facebook, Apple, Amazon, Netflix и Google, но и других транснациональных корпораций, которые получают значительные суммы от нематериальных активов (включая свои бренды) и обладающие годовым доходом более 750 млн евро. Сейчас обсуждается глобальный минимальный уровень корпоративного налога.

В качестве заключения

В результате проведенного анализа автор приходит к заключению о том, что формирование современных моделей корпоративного управления и критериев оценки эффективности деятельности компаний в условиях кардинальных изменений, вызванных цифровой революцией, значительно ускорилось в результате кризиса, вызванного мировой пандемией

¹⁵ Online Platforms and the Digital Single Market Opportunities and Challenges for Europe. Communication from the Commission to the European Parliament, The Council, The European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions, May 25, 2016. URL: <http://ec.europa.eu>.

¹⁶ Digital Transformation Initiative: Oil and Gas Industry. World Economic Forum, January 2017, Geneva, Switzerland. URL: www.weforum.org. Pp. 4-5.

¹⁷ Online Platforms and the Digital Single Market. House of Lords, Select Committee on European Union, 10th Report of Session 2015-16. HL Paper 129, April 2016. URL: <http://publications.parliament.uk/pa/ld201516/ldselect/ldeucom/129/129.pdf>. Pp.10-13.

¹⁸ OECD proposes global minimum corporate tax rate. The Financial Times, November 8, 2019. URL: <http://www.ft.com/>.

COVID-19. Глобальная цифровая трансформация создает предпосылки для образования новых организационных форм ведения бизнеса, а процесс цифровой трансформации изменяет традиционные институты права. Процесс цифровизации вступает в свою новую фазу развития, которая характеризуется формированием новых цифровых бизнес-структур — цифровых предприятий, цифровых корпораций. Устойчивым

явлением в процессе современного развития корпоративного права становится переход к универсальным стандартам ESG (*экологические и социальные факторы, качество корпоративного управления*), который требует соответствующего правового регулирования современных корпоративных отношений, включая цифровые технологические онлайн-платформы (*digital platforms*).

Литература

1. Hill J. Environmental, Social, and Governance (ESG) Investing: A Balanced Review of Theoretical Backgrounds and Practical Implications. Elsevier, 2020, 370 pp.
2. Gond J.-P., O'Sullivan N., Slager R., Viehs M., Homanen M., Mosonyi S. How ESG engagement creates value for investors and companies: Principles for Responsible Investment. UNEP, 2018. URL: <http://www.unpri.org/download?ac=4637>
3. Arjaliès D. L., Durand R. Product categories as judgment devices: The moral awakening of the investment industry. *Organization Science*, 2019.
4. Carrier J. G., Luetchford P. G. Ethical Consumption: Social Value and Economic Practice. Berghahn Books, 2012. 246 pp.
5. Ferraro F., Beunza D. Creating Common Ground: A Communicative Action Model of Dialogue in Shareholder Engagement. *Organization Science*, 2018, vol. 29, No. 6, pp. 1187-1207.
6. Nicholls A. The institutionalization of social investments: The interplay of investment logics and investor rationalities. *Journal of Social Entrepreneurship*, 2010, vol. 1, No. 1, pp. 70-100. DOI: 10.1080/19420671003701257.
7. Khan M., Serafeim G., Yoon A. Corporate sustainability: First evidence on materiality. *Accounting Review*, 2016, vol. 91, pp. 1697-1724; Beal D., Eccles R., Hansell G., Lesser R., Unnikrishnan S., Woods W., Young D. BCG total societal impact study. A new lens for strategy. Boston, MA: Boston Consulting, 2017.
8. Demyahina E.V. Principles of corporate social responsibility of business. *Science, Technology and Life - 2014: Proceedings of the International Scientific Conference. Czech Republic, Karlovy Vary, 27-28 Decembere 2014*, pp. 399-407.
9. Savina T. N. Conceptual bases of research methodology for socially responsible investment. *Economic analysis: theory and practice*, 2015, No. 9 (408), pp. 52-62.
10. Budenko N.V. CSR: responsible investment is gaining momentum. URL: <http://csrjournal.com/16266-kso-otvetstvennoe-investirovanie-nabiraet-oboroty.html>
11. Шиловская М.С. Комплексная характеристика понятия «интегрированная информация» // *Международный бухгалтерский учет*. 2019. № 2. С.158—173. DOI:10.24891/ia.22.2.158.
12. Калабихина И.Е., Волошин Д.А., Досиков В.С. Интегрированная отчетность как новый уровень развития корпоративной отчетности // *Международный бухгалтерский учет*. 2015. № 31. С. 47—57.
13. Шулаков Д. Как Россия может участвовать в развитии зеленого финансирования // *Ведомости*. 10 февраля 2020 г.
14. Еникеев Ш., Зенин К. Сицилианская защита нефтяников // *Ведомости*. 25 мая 2020 г.
15. Карцхия А.А. Гражданский оборот и цифровые технологии : монография. М. : Филинь, 2019. С. 21—22.
16. K. Claffy, D.Clark. Platform Models for Sustainable Internet Regulation. *Journal of Information Policy*, vol. 4 (2014), pp. 465. URL: <http://www.jstor.org/stable/10.5325/jinfopoli.4.2014.0463> .
17. Соيفер Т.В. Гражданско-правовое регулирование отношений по коллективному использованию товаров и услуг (sharing есопоту): направления развития // *Гражданское право*. 2019. № 5. С. 6—10.
18. Боярская Ю.Н. Анализ общих и специальных норм гражданского законодательства, регулирующих договор каршеринга // *Юрист*. 2019. № 8. С. 39—43.
19. Карцхия А.А. Цифровые технологические (онлайн) платформы: российский и зарубежный опыт регулирования // *Гражданское право*. 2019. № 3. С. 25—28.
20. Дмитриевский А.Н., Мартынов В.Г., Абукова Л.А., Еремин Н.А. Цифровизация и интеллектуализация нефтегазовых месторождений. URL: <http://www.ipng.ru> .
21. Дмитриевский А.Н., Еремин Н.А. Цифровое нефтегазовое производство // *Нефть. Газ. Новации*. 2017. № 5. С. 58—61.

Рецензент: *Рожнов Сергей Николаевич, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права РГУ нефти и газа (НИУ) им.И.М. Губкина, Москва, Россия.*

E-mail: kafedra_tigp@mail.ru

